

rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (*beqlerbegi*). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads.

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi

УДК 265.1+81'373.231 ББК 86.37-3 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0030

И. С. Филиппов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. *isfilippov@gmail.com*

ИМЯ И ВЕРА: КРЕСТИЛЬНЫЕ ИМЕНА В ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ И НА КАТОЛИЧЕСКОМ ЗАПАДЕ

В статье анализируются различия между практиками имянаречения в православной и католической традициях. Разное понимание крестильного имени, связанное с межконфессиональными различиями в литургии, обусловлено недостаточным вниманием к этому вопросу в авторитетных текстах ранней Церкви, а также традицией многоименности, утвердившейся в западном мире уже в раннее Средневековье, и историческими обстоятельствами крещения германских, кельтских и славянских народов.

Ключевые слова: раннее Средневековье, христианство, литургия, крещение, катехуменат, крестильные имена, имянаречение

В средневековой Руси, как и в современной России, было самоочевидным, что при крещении человек получает особое христианское имя, которое часто сосуществовало с мирским именем, нередко языческого происхождения. Так же обстояло дело в Болгарии, Сербии, когда-то и в Византии, где языческие имена вышли из употребления еще в VII в. По разным причинам у человека могло быть и больше имен, но крестильное имя было обязательно именем святого или приравненного к святым почитаемого персонажа Ветхого или Нового Завета. Со временем утвердилось представление о том, что святой, именем которого назван человек, является его небесным покровителем, так что крестильное имя предполагало приверженность его носителя определенному культу и даже некоторую близость людей, носящих одно имя. Во всяком случае, еще в недалеком прошлом слово «тезка» указывало на нечто большее, чем на случайное совпадение имен. Что же касается небесного покровителя, то о значении его в повседневной жизни можно судить уже по тому, что вплоть до XX в. в России отмечался не день рождения человека, а его именины, осмысленные в народе как день ангела-хранителя.

Для русского человека все это настолько очевидно, что кажется непостижимым, что может быть как-то иначе. Однако знакомство с традициями имянаречения в других христианских странах убеждает в обратном, а более углубленное изучение вопроса приводит к выводу, что современные традиции сложились очень давно, еще в раннее Средневековье. К слову, подавляющему большинству западных христиан удивительным кажется наше понимание крестильного имени. Поскольку исследование религиозной культуры обычно не выходит за рамки одной конфессии, глубинные различия в подходах к имени изучены плохо и, как правило, выпадают из поля зрения научного сообщества.

Дальше всего от русских православных обычаев имянаречения отстоят обычаи протестантов, особенно тех, что проживают в англоязычных странах. Крестильным именем в этих странах может послужить фамилия, топоним, да и любое другое слово, полюбившееся родителям. Примеры на слуху, даже если сам факт не отрешен: Вашингтон, Джексон, Линкольн (популярные у афроамериканцев), Маршал, Рамсей, Уинстон и т. д. Правда, поскольку у западных христиан нередко по два и больше личных имен, среди них могут быть и христианские имена, но так бывает далеко не всегда (см.: [Mitterauer; Wilson]). Не так уж мало людей довольствуются именами, не укорененными в христианской традиции. При этом в ряде протестантских конфессий, в том числе консервативных, например в пресвитерианстве, во время обряда крещения объявляется полное имя ребенка, то есть все его имена, включая фамилию.

Конечно, протестантская культура насчитывает всего пять веков, причем основные новации в этом вопросе совсем недавнего происхождения. Но протестантизм, как часть западного христианства, довел до логического конца многие тенденции, заметные в католицизме задолго до Реформации. Католическая культура также знает многоименность, и количество личных имен у католика, например, в Испании может превышать десяток. Эта культура также допускает литургическое использование имен, которые не являются именами святых, но могут с оговорками считаться христианскими. Речь идет о теофорических именах, известных и в православном мире, но кроме того, о тех, что представляют собой аллюзии к понятиям, праздникам и местам христианского культа. Это такие имена, как Ассунта, Грация, Кончита, Мерседес, Тринидад; Ноэль, Паскаль, Туссен; Бонариа, Монсеррат, Шанталь. В православном мире такие имена редки. Одним из исключений является популярное на Балканах имя Евангелия. По неясным причинам в основном это женские имена.

Различия в понимании крестильного имени в конечном счете объясняются различиями в литургии. Согласно Римскому Ритуалу, принятому Тридентским собором, не претендовавшим в этом случае на новацию, священник спрашивает человека, принимающего крещение: «Каким именем ты зовешься?» — и, повторяя это имя, говорит:

«Крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа», опуская имя неопита в самой формуле крещения. Выбор имени не регламентируется. Тот факт, что большинство современных католиков выбирают традиционные христианские имена, определяется их общей культурой, благочестием, эмоциональными и социальными связями с предками, родственниками, другими людьми и просто здравым смыслом. Церковь ограничивается тем, что призывает родителей избегать имен, чуждых христианской культуре.

Формула крещения, используемая в Русской православной церкви, иная: «Раб Божий такой-то крещается во имя Отца, аминь, Сына, аминь, и Святого Духа, аминь». Разница, однако, менее важна, чем может показаться, потому что в былые времена на православном Востоке, как и на католическом Западе, имя объявлялось в рамках особого обряда, предшествующего крещению и известного на Руси как оглашение, а на Западе как принятие в катехумены — своего рода кандидаты в христиане, получавшие в ожидании крещения надлежащие наставления от священника. В обоих случаях имя ребенка изначально давали родители, так что священник просто оглашал его. Однако на Востоке и, похоже, уже в раннее Средневековье крестили непременно под именем святого. Кроме того, его включение в крестильную формулу побудило верующих полагать, что ребенок или новообращенный получает христианское имя *во время* крещения. И, по крайней мере, в Новое время в России считалось, что имянаречение — прерогатива священника¹, который обычно делал выбор между именами святых, поминаемых в день оглашения, а по мере фактического объединения двух обрядов — в день крещения. Правда, это не касалось элиты, державшейся родовых крестильных имен.

При очевидном несопадении этих культурных установок обе они возникли из обрядов Древней Церкви, которая, несмотря на множество региональных различий в литургии, исходила из того, крещение и оглашение практически не связаны. Церковные каноны ничего не говорят об имянаречении, как и большинство Отцов Церкви. Возможно, они полагали, что все и так ясно, но не исключено, что их молчание отражает отсутствие строгих правил. Как бы там ни было, древние трактаты о крещении, например, блаженного Августина († 430), ни словом не упоминают о крестильном имени. Обсуждаются всевозможные аспекты статуса катехуменов (в этом отношении особенно информативны тексты Кирилла Иерусалимского († 386)), в том числе получение крестного знамения от священника, ограниченное участие в церковных службах, посмертная судьба в том случае, если они умирают до крещения... Мы узнаем также множество подробностей о подготовке к крещению и его процедуре: выбор правильного возраста и дня, предшествующий пост, раздевание, освящение воды, ее качество, омовение, сколько погружений, одно или три, необходимы, следует ли святую воду лить или разбрызгивать, подобающие при этом воззвания, отречение от сатаны, помазание до и после крещения, возложение рук священником, облачение в новые одежды, ритуальное выпивание молока и поедание меда... при этом ни слова об имянаречении (см.: [Saxer; Ferguson]).

Эти предписания касались в первую очередь взрослых, которых знакомили с начатками христианской религии, а также объясняли им порядок предстоящего ритуала. Крещение младенцев было еще редкостью и моделировалось по крещению взрослых, с той лишь разницей, что родители или крестные говорили и действовали от имени ребенка. В обоих случаях провозглашение имени человека знаменовало его первый шаг к свету истинной веры и первый этап интеграции в христианскую общину. Крещение следовало позже. На практике, однако, эти обряды часто совмещались. Многие зависели от конкретных обстоятельств. Например, Церковь никогда не отказывала в ускоренном крещении на поле битвы или на смертном одре. По мере того как число язычников, ожидающих крещения, уменьшалось, роль катехумената теряла значение. Что касается младенцев, то их старались крестить не мешкая, дабы смерть в колыбели не лишила их спасения. В этом случае им давали и имена, но обычно это считалось мирским делом и прерогативой семьи, а не Церкви. Имянаречение не было проблемой, которую большинство Отцов считали важной.

Не были озабочены ею и ранние христиане. Среди единоверцев, упомянутых в Посланиях апостолов, мы находим людей с именами языческих богов или их производных: Аполлона (1 Кор 16: 12), Епафродита (Флп 4: 18), Фебу (Рим 16: 1), Гермеса (Рим 16: 14) и др. В надписях из римских катакомб также довольно часто встречаются имена вроде Аполлон, Бахус, Сатурн, но очень редко те, что мы признали бы христианскими. Принятие нового имени, по-видимому, понималось как знак духовного обновления. Это представление подкреплялось повествованиями об обращении апостола Петра (Мф 16: 17–18, Ин 1: 42) и общепринятой интерпретацией менее прозрачной истории о том, как Саул стал апостолом Павлом (Деян 13: 9). Однако никаких правил относительно того, какие имена подобают христианину, в ранней Церкви не существовало.

Первые внятные суждения по этому поводу относятся к IV в. Ссылаясь на Дионисия Александрийского († 265), Евсевий Кесарийский († 339) сообщает, что из любви к апостолу Иоанну многие христиане стали выбирать его имя, точно так же, как мальчики в семьях верующих нередко зовутся Павлом или Петром². В свою очередь, Иоанн Златоуст († 407) призывал паству не называть детей первым именем, пришедшим в голову, и давать им имена не предков или других родственников, а праведных людей, известных своей добродетелью и

¹ См. Требник митрополита Петра Могилы. Киев, 1996 (репринт издания 1646 г.). Т. 1. С. 64: «И абие глаголет молитву сию, в ней же и имя ему нарицает, во имя святого, его же память прилучится имать по сем в осьмый день или коего святого изволит».

² Eusebius Pamphilus. Historia ecclesiastica, VII.25.

верой в Бога³. Мне неизвестны аналогичные высказывания латинских Отцов Церкви. Похоже, что на Востоке новозаветные имена приобрели популярность раньше, чем на Западе. Однако, независимо от географии, до конца V в. имена, так или иначе связанные с христианской религией, составляли не более 15 % от всех имен, оставивших следы в источниках.

При этом крестильное имя необязательно было единственным. В самом деле, как мог римский гражданин отказаться от своего официального тройного имени? Показательно, что в позднеантичных римских надписях встречаются имена вроде «Север по имени Пасказий»⁴. Полиэтничность римского мира также способствовала тому, что у многих христиан было более одного имени; достаточно вспомнить, что у Марка Евангелиста было и еврейское имя — Иоанн (Деян 12: 25, 15: 37). Христианское имя, скорее всего, использовалось прежде всего при отправлении культа.

В дальнейшем представления восточных и западных христиан по этому вопросу разошлись. В православных странах крещение под христианским именем стало обычным явлением, хотя очень долго родовое языческое имя было более употребимо и играло в жизни человека большую роль. По всей видимости, до конца XII в. подавляющее большинство Рюриковичей носили и родовое, и крестильное имя, и, хотя доля крестильных имен в княжеском именнике неуклонно росла, они известны нам заметно хуже, чем родовые [Литвина, Успенский]. Двухименность этого типа была характерна и для не княжеской элиты того времени (вспомним Остромира-Иосифа), вероятно, и для простолюдинов, сведения о которых по большей части несколько более поздние, причем есть основания полагать, что в их среде двухименность держалась дольше⁵.

Совсем другую картину мы видим на Западе. Разумеется, немало фактов подтверждают, что и там многие уже в раннее Средневековье называли себя христианскими именами. Так, говоря о крещении бывшего короля Уэссекса Кэдваллы (685—688), который отрекся от власти и решил провести остаток дней в Риме, замаливая свои грехи, Беда отмечает, что «в крещении папа Сергий дал ему имя Петр, чтобы он мог... именем соединиться с блаженнейшим князем апостолов»⁶. Чаще в источниках фигурируют люди, названные сразу двумя именами, и, если одно из них варварское, а другое связано с древней христианской традицией (так, в житии св. Альдегунды, написанном в VII в. в Геннегау, упоминается некто *Madelgarius cognomento Vincentius*)⁷, очень вероятно, что перед нами крестильное имя. К слову, это относится и к католической части славянского мира; примером может служить хорватский король Дмитрий Звонимир (1076—1089)⁸.

И все же подавляющее большинство западноевропейцев раннего и начала классического Средневековья известны нам только под языческими именами. Это относится и ко многим клирикам, не исключая епископов. При этом картину, отдаленно напоминающую ту, что имела место на Руси, мы наблюдаем не в Италии, не в Галлии, не в других древних цитаделях католицизма, а в странах Северной и Центральной Европы, принявших христианство примерно в то же время, что и Русь. Применительно к ним имеется ряд фактов, свидетельствующих, что вместе с крещением человек получал и полноценное христианское имя. Так, в конце X в. крестился венгерский правитель Вайк, принявший новое имя Стефан, в венгерском звучании — Иштван⁹. Польский король Мешко II († 1034) и сын его сестры король Англии, Дании и Норвегии Кнут Великий († 1035) были крещены под именем Ламберта — в память о причисленном к лику святых Ламберте Льежском († ок. 705) [Thoma, s. 36—39, 45—48].

Однако на раннесредневековом Западе ребенка могли крестить и под языческим именем. Согласно Григорию Турскому, когда жена Хлодвига Хродехильда крестила сына, она назвала его Хлодомером¹⁰. Было ли у него собственно христианское имя, непонятно; возможно, Хродехильда просто не осмелилась дать сыну имя, чуждое семье ее мужа. Тот же Григорий упоминает дьякона Вальдона из Бордо, «который, кстати, и сам в крещении был назван Бертрамом»¹¹, причем об этом факте мы знаем лишь потому, что в том же пассаже фигурирует некий епископ Бертрам. Но что побудило дать будущему дьякону при крещении другое языческое имя, остается только гадать. Обычно Григорий ничего не сообщает о крестильных именах своих персонажей; это относится и к Хлодвигу. Такое понимание крестильного имени было живо и много позднее. Например, Астроном (сер. IX в.) сообщает, что, когда королева Юдифь родила сына — будущего Карла Лысого, Людовику Благочестивому «было угодно, во время крещения, назвать его Карлом»¹². Не менее внятную формулировку мы находим под 941 г. у Флодоарда: «королева родила королю Людовику сына, который был оглашен Карлом»¹³.

³ *Iohannes Chrysostom.* Homiliae, XXI. In Genesis cap. V et VI.

⁴ *Janssens J.* Vita e morte del cristiano negli epitaffi di Roma anteriori al secolo VII. Roma, 1981. P. 29.

⁵ Этот вопрос плохо изучен. См. все же: [Никонов; Зализняк; Калечиц].

⁶ *Beda Venerabilis.* Historia ecclesiastica, V.7: «Cui etiam tempore baptismatis papa memoratus Petri nomen imposuerat, ut beatissimo apostolorum principi... etiam nominis ipsius consortio jungeretur...».

⁷ *Vita Aldegundis secunda // Acta Sanctorum.* Januarii. T. III. P. 651.

⁸ *Thoma Spalatenis.* Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum, cap. 16: «Demetrius cognomento Suinimir, rex Chroatorum». Подробнее см.: [Филиппов].

⁹ *Ademarus Cabannensis.* Chronicon, III.31: «regem Ungrie baptizavit qui vocabatur Gouz et mutato nomine in baptismo Stephanum vocavit, quem Oto imperator in natali protomartiris Stephani a baptismo excepit».

¹⁰ *Gregorius Turonensis.* Historia Francorum, II.29: «Post hunc vero genuit alium filium quem baptizatum Chlodomerem vocavit».

¹¹ *Ibidem*, VIII.22: «Waldonem diaconem qui et ipse in baptismo Berthchramnus vocitatus est...».

¹² *Astronomus.* Vita Hludowici, 37: «natus est filius ei ex Iudith regina, quem tempore baptismi Karolum vocitare placuit».

¹³ *Floardus.* Annales, a. 945: «Ludovico rege apud Rodomum agente regina filium peperit qui Carolus ad catechisandum vocatus».

Особенно знаменательно, что при крещении язычника ему могли дать другое языческое имя. Так, когда в 878 г. король Альфред крестил датчанина Гутрумна, он нарек его Этельстаном — в память о своем старшем брате Этельстане, умершем около 851 г.¹⁴ В 911 г. во Франции другой скандинав, Хролло, иначе Роллон, получил при крещении имя Роберт — так звали его крестного отца, будущего короля Роберта I (922–923)¹⁵. В 974 г. сын датского конунга Харальда Синезубого Свейн был назван при крещении Оттоном — несомненно, по имени императора Оттона II, ставшего его крестным отцом¹⁶. Во всех трех случаях язычников-скандинавов крестили языческими же именами, которые, однако, были в ходу у христиан¹⁷. Конечно, так было не всегда и не везде. Например, когда при Карле Великом приняли крещение два аварских кагана, один получил имя Авраам, другой — Теодор¹⁸. Однако самый знаменитый в то время и хорошо освещенный в источниках случай обращения язычника, а именно сакса Видукинда, видимо, не сопровождался наречением его новым именем¹⁹.

Эта вариативность решений наверняка связана с гибкостью Римской церкви в отношении языческих обычаев, ярко проявившейся, например, в толерантной политике св. Патрика, позднее — в напутствиях Григория Великого миссионерам и в знаменитых ответах папы Николая I на вопросы болгарского царя-неофита Бориса, ошеломленного строгостью византийских религиозных установок. Опущение христианского имени в повседневной жизни и даже во время крещения, вероятно, считалось не слишком большой жертвой ради обращения еще одного языческого народа. В Риме понимали, что у народов, только-только приобщающихся к христианству, нормальное крестильное имя воспринималось не вполне адекватным для удовлетворения всех вызовов общественной и семейной жизни. Известен казус шведского этелинга, крещенного как Яков и, похоже, не получившего при рождении другого имени, которому, чтобы стать королем, пришлось в 1019 г. принять на тинге языческое имя Анунд²⁰. Широко распространенная практика многоименности (это особый вопрос) способствовала восприятию крестильного имени как просто одного из имен, которые могли быть — или не быть — у человека.

Другим важным фактором формирования иного, чем на Востоке, отношения к имени была культурная близость раннесредневековых германских народов, чьи имена были во многом похожи и понятны соседям. Напомню, что в раннее Средневековье большинство христианских народов-неофитов были германцами и что крещены они были близкими им по языку и культуре франками и англосаксами, позднее, когда дело дошло до скандинавов, и самими немцами. По-видимому, франкам было нетрудно принять такое имя, как Видукинд, и допустить, чтобы сдавшийся им предводитель саксов крестился под этим именем. Однако имена аварских ханов, крестившихся практически в то же время, были им глубоко чужды, и при крещении их заменили на более подобающие. Но к тому времени, когда католические миссионеры достигли земель западных и южных славян, сформировался стереотип, и стало считаться возможным крестить и их под их непонятными языческими именами.

На средневековом Западе крестильные имена долго находились в тени родовых языческих имен, и это не могло не оказать серьезного влияния на самоощущение их носителей. К тому времени, когда крестильные имена потеснили языческие — это произошло в основном в XII–XIII в., последние уже воспринимались как вполне допустимые для христиан. Но поскольку церковное вмешательство в семейную жизнь в это время усилилось, был найден компромисс в виде наречения человека двумя и более именами, из которых хотя бы одно связывало его с христианской культурой. В отличие от православного мира, где в Средние века имел место неуклонный прогресс крестильного имени как главного, а затем и единственного, западный мир постепенно пришел к другому видению личного имени, в котором подлинно христианское имя стало необязательно самым важным или наиболее употребимым. Это обстоятельство, несомненно, наложило на западную религиозную культуру отпечаток, смысл которого еще предстоит понять.

Литература

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Калечиц И. Л. Эпиграфика Беларуси X–XIV ст. Минск, 2011.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму

est».

¹⁴ Anglo-Saxon Chronicle, D, a. 890: «7 Guðrum se norðerna cyning forðferde, 7 þæs fulluhtnama wæs Æþelstan, se wæs ælfredes cyninges godsunu».

¹⁵ Dudo S. *Quintini*. De moribus et gestis primorum Normanniae ducum, II.13: «duxque francorum Rotbertus de fonte salvatoris eum suscepit, nomenque suum ei imposuit magnisque muneribus et donis honorifice ditavit. Rotbertus autem, qui et Rollo, comites suos et milites omnemque manum exercitus sui baptizari fecit...».

¹⁶ Adam *Bremensis*. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, II.3: «Nec mora baptizatus est ipse Haroldus... quem rex noster a sacro fonte susceptum Sueinotto vocavit».

¹⁷ Имя Роберт стало христианским после канонизации в 1070 г. Роберта, аббата Шез-Дье († 1068), имя Оттон — после канонизации в 1189 г. Оттона, епископа Бамбергского († 1139). Насколько известно, ни один Этельстан не удостоился канонизации.

¹⁸ Annales Regni Francorum, a. 805; Annales Sancti Emmerami maiores, a. 805.

¹⁹ Annales Mosellani, a. 785: «Widuchind tot malorum auctor ac perfidies inceptor venit cum sociis suis ad Attinacho palacio, et ibidem baptizatus est, et domnus rex suscepit eum a fonte ac donis magnificis honoravit».

²⁰ Adam *Bremensis*. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, II.59: «Anund... cognomento fidei et gratiae dictus est Iacobus... nec quispiam regum fuit populum Sueonum tam acceptus sicut Anandus».

антропонимики. М., 2006.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Ferguson E. Baptism in the Early Church: History, Theology, and Liturgy in the First Five Centuries. Grand Rapids, 2009.

Filippov I. S. Patrimonial and Baptismal Names in the Early Medieval Slavic Word. Comparative Observations // Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections / Ed. M. Homza, J. Lukačka, N. Budak. Bratislava, 2013. P. 390–400.

Mitterauer M. Ahnen und Heilige. Namengebung in der europäischen Geschichte. München, 1993.

Saxer V. Les rites de l'initiation chrétienne du II au VI siècle. Spoleto, 1988.

Thoma G. Namensänderung in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa. Kalmünz, 1985.

Wilson S. The Means of Naming. A Social and Cultural History of Personal Naming in Western Europe. London, 1998.

Igor S. Filippov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

NAME AND FAITH: BAPTISMAL NAMES IN ORTHODOX RUS'
AND IN THE CATHOLIC WEST

This article deals with different approaches to name-giving in the Orthodox and Catholic traditions. Different understanding of the baptismal name, connected with the liturgical practices of the two confessions, is explained by the lack of data on this issue in the canons and other authoritative texts of the early Church, also by the custom of giving a person at baptism more than one name which emerged in the West already in the early Middle Ages, and by the historical circumstances of the evangelisation of Germanic, Celtic and Slavic nations.

Keywords: early Middle Ages, Christianity, liturgy, baptism, catechumenate, baptismal names, name-giving

УДК 821.161.0 ББК 76.10 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0031

Б. Н. Флоря

Исл РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. rillen@mail.ru

«СТЕПЕННАЯ КНИГА» О КРЕЩЕНИИ «РУСОВ» В IX в.

В статье рассматривается рассказ о крещении «русов» в IX в., который читается в «Степенной книге». В начале 1560-х годов московские книжники пытались согласовать древнерусскую традицию, связывавшую крещение страны при Владимире Святославиче с именем патриарха Фотия, и проникшее в Русский Хронограф и Никоновскую летопись через хронику Иоанна Зонары аутентичное сообщение Продолжателя Феофана о крещении «русов». Выход был найден в лишении «русов» IX в. связи с Киевом и отнесении их крещения к миссии свв. Кирилла и Мефодия. Таким образом, события IX–X в. получали новое освещение как ряд последовательных актов Божественной заботы об избранном народе.

Ключевые слова: крещение «русов», крещение Руси, патриарх Фотий, «Степенная книга», Русский Хронограф, Никоновская летопись, Иоанн Зонара, Продолжатель Феофана

Такое событие, как крещение «русов» в IX в., как известно, для этого времени и для Восточной Европы можно охарактеризовать как представленное в источниках гораздо лучше, чем любое другое событие истории Восточной Европы того периода.

О нем рассказывается сразу в двух авторитетных источниках. Одним из них является окружное послание константинопольского патриарха Фотия 867 г., где кратко говорится, что «русы», ранее нападавшие на Империю, стали христианами, «приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды»¹.

Более подробный рассказ о крещении «русов» в IX в. читается в биографии императора Василия I, авторство которой приписывается его внуку Константину Багрянородному, но которая, несомненно, написана в середине X в. [Любарский, с. 218]. Здесь рассказывается, что Василий I «склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ русов» и уговорил их «принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа». На собрании «росы», которых архиепископ убеждал принять христианскую веру, потребовали от него чудесного знамения. Тогда архиепископ «метнул в пламя костра книгу святого Евангелия», и, когда рукопись не сгорела, «варвары поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению»².

Между двумя свидетельствами есть расхождения. Согласно посланию Фотия, инициатива крещения «русов» принадлежала ему, а в жизнеописании Василия I речь идет о патриархе Игнатии. Однако оба они совпадали в том, что между Византией и «русскими» после имевших место войн был заключен мир, «русы» приняли архиепископа из Константинополя и крестились.

Рассказ, читающийся в тексте Продолжателя Феофана, повторялся в сокращенном виде в целом ряде греческих хроник XII–XIII в., став частью византийской исторической традиции³. Даже в кратких пособиях (как, например, в хронике Иоанна Зонары) помещались известия о крещении «русов» в правление Василия I⁴.

¹ Текст послания цит. по: [Левченко, с. 77].

² Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 142–143.

³ Подборку этих текстов см.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1994. Кн. I. С. 301–302.

⁴ Там же. С. 302–303.

